

minibo**OK**

**ФРЭНСИС
СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД**

**ПОСЛЕДНИЙ
МАГНАТ**

Москва
2016

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ф66

Francis Scott Fitzgerald

THE LOVE OF THE LAST TYCOON

Перевод с английского О. Сороки

Оформление серии А. Старикова

В оформлении обложки использованы иллюстрации
«Les Fureurs Du Tango» Жоржа Барбье (1882–1932);
Jovanovic Dejan, Panpys, heromen30 / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com;
PiXXart Photography / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

Фицджеральд, Фрэнсис Скотт.

Ф66 Последний магнат : [роман] / Фрэнсис Скотт Фицджеральд ; [пер. с англ. О. Сороки]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-93193-4

«Последний магнат» — неоконченный роман великого Фицджеральда, который жил, отчаянно прожигая дни, и так же творил, ни капли не жалея себя. По легенде, он умер от сердечного приступа прямо за рабочим столом...

Киномагнат Монро Стар, владеющий огромной студией в Голливуде, настоящий баловень судьбы, воплотивший в жизнь американскую мечту. Но стоит ли она утерянного человеческого счастья?..

Нравы золотого века знаменитой кинофабрики и вечная человеческая трагедия одиночества... Прототипом Стара стал реальный продюсер «Metro Goldwyn Mayer» Ирвинг Талберг, в честь которого каждый год вручается премия Оскар «За выдающийся вклад в развитие кинопроизводства». Книга, конечно же, была экранизирована в Голливуде, главную роль исполнил сам Роберт Де Ниро.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-93193-4

© Сорока О., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке.
Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава I

Я выросла в мире кино, хотя ни разу не снималась. На день рождения ко мне, пятилетней, пришел Рудольф Валентино, — так гласят предания. Я упоминаю об этом, только чтобы показать, что с младенческого возраста могла видеть, как вертятся шестеренки Голливуда.

Одно время меня подмывало написать «Записки дочери продюсера», но в восемнадцать лет не очень это у вас выйдет — засесть за мемуары. И хорошо, что не села: получилось бы нуднее, чем позапрошлогодня колонка Лолли Парсонс. Мой отец на производстве фильмов делал бизнес, как делают бизнес на хлопке и стали, и меня это мало тревожило. Прозу Голливуда я принимала с безропотностью привидения, назначенного обитать в таком-то доме. Я знала, что кинобизнесом надлежит возмущаться, но возмущение упорно не желало приходить.

Легко сказать так, но труднее добиться, чтобы тебя поняли. В Беннингтоне, где я училась, иные из преподавателей литературы притворялись, будто равнодушны к Голливуду и его продукции. А на самом деле — ненавидели, всеми печенками ненавидели кино, как угрозу своему существованию. А еще раньше, в монастырской школе, милая монашенка попросила у меня какой-нибудь киносценарий, чтобы по нему «разобрать с ученицами, как сочиняют фильмы»; как сочиняют эссе и рассказы, она уже разбирала. Я достала ей режиссерский сценарий, и она, должно быть, ломала, ломала себе над ним голову, в классе же ни разу не упомянула о сценарии и вернула мне его обратно с оскорбленно-удивленным видом и без всяких комментариев. Как бы и эту мою повесть не вернул мне так читатель.

Можно принимать Голливуд, как я — спокойно и привычно, — а можно отмахиваться от него с презрением, какое мы берегаем для того, чего не понимаем. Понимание-то здесь достижимо, но лишь смутное, проблесками. Не наберется и полудюжины людей, кто смог

когда-либо вместить в уме всю формулу и тайну фильмотворчества. И разобраться в одном из таких людей — вот для женщины средство поглубже вникнуть в этот сложный мир.

Ту картину мира, которая открывается с самолета, я знала. Отец всегда отправлял нас с сестрой из Лос-Анджелеса по воздуху — в школу, затем в колледж, — и домой на каникулы мы тоже летали. Когда я перешла на второй курс, Элиноур умерла, и пришлось уже одной летать, и всегда она в полете вспоминалась, и я как-то серьезнела, грустнела. Иногда в самолете мне встречались знакомые голливудцы, а порой симпатичный студентик, но нечасто — наступили уже годы кризиса. Во время полета мне редко давали уснуть мысли о сестре и это ощущение резкого рывка от побережья к побережью; настоящий сон приходил разве лишь, когда позади оставались уже теннесийские аэропорты — небольшие, стоящие на хмуром отшибе.

На этот раз мы летели в непогоду, самолет так болтало, что одни пассажиры сразу же откинули назад спинку кресла и отошли ко сну, а другие предпочли не спать вовсе. Двое из неспавших были мне соседями — я слева от прохода, они справа, — и по их отрывочному разговору я уверенно заключила, что они голливудцы. Один и выглядел типично — немолодой еврей, он то говорил с нервной горячностью, то умолкал издерганно, весь сжавшись, словно собравшись для прыжка; второй же был бледный, некрасивый, коренастый человек лет тридцати, которого я определенно видела где-то раньше. В гости он приходил к нам, что ли. Но, возможно, я еще маленькой тогда была, — и я не торопилась обижаться, что он не узнал меня.

Стюардесса — высокая, статная, яркая брюнетка, к каким у авиакомпаний слабость, — спросила меня:

— Может, наклонить вам спинку кресла?.. Аспирина не хотите, милая? — Она шатко пристроилась на подлокотник кресла рядом, покачиваясь в такт порывам июньского циклона. — Или нембутала таблетку?

— Нет.

— Не спросила вас раньше, провозилась с остальными пассажирами. — Она села в кресло, пристегнула нас обеих предохранительным ремнем. — А пожевать резинку не хотите?

Это напомнило мне, что пора уже расстаться с резинкой, давным-давно навязшей у меня в зубах. Я завернула ее в страничку журнала, сунула в пепельницу с пружинной крышкой.

— Сразу отличишь воспитанных людей, — одобрила стюардесса. — Всегда прежде завернут в бумажку.

Мы посидели рядом в полутьме покачивающегося салона. Смутно это напоминало фешенебельный ресторан в сумерки, в затишье. Все притихли — и задумчивость была не только в позах. Даже стюардесса как бы призабыла, почему и зачем она здесь.

Она заговорила о молодой знакомой мне актрисе, с которой летела в Калифорнию два года назад. Тогда был самый разгар кризиса, и актриса все смотрела в окно так упорно и сосредоточенно, будто собиралась выброститься. Оказалось, впрочем, что ее не нищета, а только революция страшила. «Я знаю, что мы с мамой сделаем, — сообщила она стюардессе по секрету. — Мы укроемся в Йеллоустонском заповеднике и будем жить там простенько, пока все не утихнет. А тогда вернемся. Не убивают же они артистов?»

Этот замысел меня позабавил. Вообразилась прелестная картинка: бурые медведи — добряки и консерваторы — снабжают медом актрису с мамой, а ласковые оленята приносят им от ланей молоко и, напив, пасутся около, чтобы с приходом ночи живыми подушками лечь в изголовье. В свою очередь, я рассказала стюардессе про юриста и про режиссера, которые однажды вечером в ту грозовую пору поделились с отцом своими планами. Если армия безработных ветеранов захватит Вашингтон, то у юриста наготове лодка, спрятанная на реке Сакраменто, и он на веслах поплывет в верховья, пробудет там месяц-другой, а потом вернется, «поскольку после революций всегда требуются юристы, чтобы урегулировать правовой аспект».

Режиссер настроен был более пессимистически. Он заранее припас старый костюм, рубашку, башмаки — свои ли собственные или взятые в костюмерной, он умалчивал — и собирался Раствориться в Толпе. Помню, отец возразил: «Но они взглянут на ваши руки! Они тут же поймут, что вы сто лет не занимались физическим трудом. И спросят у вас профсоюзный билет». И помню, как вытянулось у режиссера лицо, как хмуро поедал он свой десерт и как смешно и мелко звучали все их речи.

— Отец ваш не актер, мисс Брейди? — спросила стюардесса. — Фамилия что-то знакомая.

Услышав слово «Брейди», оба моих соседа встрепенулись, взглянули искоса. Я знаю этот голливудский взгляд, бросаемый через плечо. Затем бледный, коренастый отстегнулся и встал в проходе.

— Вы — Сесилия Брейди? — спросил он обвиняюще, как будто я утаивала это от него. — Так я и подумал сразу. Я — Уайли Уайт.

Имя свое он мог бы и не называть — в эту самую минуту чей-то еще голос произнес: «В сторонку, Уайли!» — и кто-то быстро прошел мимо, направляясь в нос самолета. Уайт вздрогнул и — с некоторым опозданием — задорно огрызнулся:

— Приказывает здесь главный пилот.

Это походило на обычный обмен шуточками между голливудским тузом и его валетом.

— Пожалуйста, потише, пассажиры спят, — сделала стюардесса замечание Уайту.

Немолодой спутник Уайта тоже вскочил с кресла и глядел с какой-то откровенной алчностью вслед проходящему — вслед его спине. А тот, не оборачиваясь, махнул на прощание рукой и скрылся куда-то.

Я спросила стюардессу:

— Это прошел младший пилот?

— Нет, — сказала стюардесса, отстегивая ремень — собираясь бросить меня на произвол Уайли Уайта. — Это мистер Смит. У него отдельная кабина, «свадебная», но только он там один. Младший пилот ходит в летной форме. — Она встала. — Пойду узнаю — наверно, в Нашвилле застрянем.

— Застрянем? — ужаснулся Уайт.

— В долине Миссисипи буря.

— И, значит, проторчим там всю ночь?

— Если не стихнет.

Стихать не собиралось — самолет внезапно нырнул, Уайта кинуло в кресло напротив, стюардессу метнуло в сторону кабины экипажа, еврея плюхнуло обратно на сиденье. Нарочито сдержанными восклицаниями, какие подобают опытным воздухоплателям, мы выразили свое неудовольствие, перевели дух.

— Мисс Брейди — мистер Шварц, — представил Уайт своего спутника. — Кстати, они с вашим отцом — друзья-приятели.

Мистер Шварц закивал с большим жаром, как бы клятвенно и громко заверяя: «Правда. Видит бог, правда».

Пусть когда-то он и мог заявлять так во всеуслышание, но времена переменялись, что-то явно с ним стряслось. Вот так, бывает, встретишь знакомого, угодившего в драку или под колеса тяжелого грузовика — и смятого чуть не в лепешку. Таращишь на него глаза,

ахаешь: «Что с вами случилось?» А он в ответ бормочет что-то невнятное сквозь обломки зубов и распухшие губы. Он даже рассказать не в состоянии.

Телесных травм мистер Шварц не получил; взбухший персидский нос и затененные подглазья были у него такими же врожденными чертами, как у моего отца ирландски вздернутый кончик носа и краснота вокруг ноздрей.

— Нашвилл! — возмущался Уайли Уайт. — Придется, значит, кинуть в гостинице. А Побережье улыбнулось до завтрашнего вечера — это в лучшем случае. О господи! Я ведь родился в Нашвилле.

— Что ж, вам будет приятно встреча с родными местами.

— Приятна? Я уже пятнадцать лет сюда не езжу. Хоть бы век их не видать.

Но Уайту суждено было увидеть их: самолет явно шел вниз, вниз, вниз, как Алиса в кроличью нору. Пригнувшись к окну, заслоняя ладонью от света, я увидела вдалеке слева город, мреющий белесым пятном. А зеленая надпись «Пристегнуть ремни. Не курить» зажглась уже давно — со времени влета в циклон.

— Слышал фамилию? — взорвалось очередное нервное молчание Шварца.

— Какую фамилию? — спросил Уайт.

— Которой он назвался. «Мистер Смит».

— А что? — спросил Уайт.

— Ничего, — дернулся Шварц. — Просто мне показалось забавно. Смит. Ха-ха. (Безрадостней смеха я в жизни не слышала.) Смит.

Своим расположением на отшибе, своей хмурой тишиной аэропорты сродни, по-моему, одним лишь почтовым станциям эпохи дилижансов. Краснокирпичные наши вокзалы строились потом прямо в городах и городках, и сходили с поездов там только жители тех захолустьев. Аэропорты же — словно древние оазисы, стоянки на великих караванных путях. Вид авиапассажиров, которые по одному и по двое проходят не спеша в полночные аэропорты, всегда привлекает кучку зевак. Вплоть до двух часов ночи местная молодежь готова глазеть на самолеты, а кто постарше — на пассажиров. Зорко и недоверчиво оглядывать нас — богачей с Побережья, небрежно сходящих посреди Америки со своего трансконтинентального ковра-самолета. Ведь среди нас могла таиться роскошная романтика в облике кинозвезды. Но большей частью ничего такого не таилось. Как я всегда жалела, что

мы не выглядим заманчивей, чем есть; вот так и на премьерах часто жалела — когда киноманы смотрят на тебя с презрительным укором за то, что ты не звезда.

Сходя с самолета, я оперлась на руку, протянутую Уайтом, — и вот мы уже с ним друзья. С этой минуты он принялся ухаживать за мной, и я не возражала. Так или иначе, придется вместе коротать часы нашвилльского ожидания — это мне стало ясно сразу. (Я была уже не та простушка, у которой увели парня тогда — в фермерском новоанглийском домике близ Беннингтона. Девушку звали Рейной, он сел с ней к роялю, и я наконец поняла, что я третья лишняя. В исполнении Гая Ломбардо по радио передавали «В цилиндре» и «Щекой к щеке», и Рейна помогала одолеть мелодию. Звучали клавиши мягко, как падают листья, и ее пальцы поверх его пальцев — она учила его брать «черный» аккорд. Я тогда была на первом курсе.)

Мы вошли в здание аэропорта, и мистер Шварц шел с нами, но как во сне. Мы пытались уточнить у дежурного обстановку, а Шварц все это время стоял, упершись взглядом во входную дверь, словно боялся, что самолет улетит без него. Потом я отлучилась на несколько минут, и что-то без меня произошло; когда я вернулась, вид у Шварца был еще раздавленной, чем раньше. На дверь он уже не глядел. Стоя вплотную к нему, Уайт говорил:

— ...ведь предупреждал я — перестань. Поделом же тебе.

— Я только сказал...

Я подошла, Шварц замолчал; я спросила, какие новости. Было половина третьего ночи.

— Новости те, — сказал Уайли Уайт, — что нас промаринуют здесь три часа по меньшей мере, так что слабачье отправляется в гостиницу. А я хочу свозить вас поглядеть «Эрмитаж» — дом Эндрю Джексона.

— Что же мы увидим в темноте? — сурово спросил Шварц.

— Да час-другой, и рассветет уже.

— Вы поезжайте вдвоем, — сказал Шварц.

— Ладно. А ты двигай в гостиницу. Автобус еще не ушел — и в автобусе сидит Он, — поддразнил Уайли. — Может, и столкнетесь.

— Нет, я с вами поеду, — поспешно сказал Шварц.

Мы вышли, разом окунувшись в загородную мглу, сели в такси, и Шварц словно бы повеселел. Похлопал меня поощрительно по коленке.

— Вас оставлять с ним не годится. Я буду вашим провожатым. Было время, был я человеком денежным, и была у меня дочь-красавица.

Он сказал это так, точно дочь забрали кредиторы вместе с другим ценным имуществом.

— Этой нет — другая будет, — утешил Уайли. — Все еще вернется. Новый поворот колеса Фортуны, и ты снова там, где папаша Сесилии. Верно, Сесилия?

— А далеко этот «Эрмитаж»? — помолчав, спросил Шварц. — Где-нибудь у черта на куличках? Как бы нам не опоздать на самолет.

— Да брось, — сказал Уайли. — Зря вот мы стюардессу не взяли тебе для компании. Ты ведь на нее заглядывался. Девчонка и впрямь недурна.

Мы долго ехали по ровной местности, освещенной луной; мелькнет лишь при дороге дерево, хибарка, дерево; затем дорога запетляла лесом. Даже в сумраке чувствовалось, что деревья здесь зеленые — нет у листвы этого пыльно-оливкового калифорнийского оттенка. Путь нам преградили три коровы, негр-пастух отогнал их на обочину, коровы замычали. Настоящие, с теплыми, свежими, шелковистыми боками, и негр плавно обозначился из мглы, тоже настоящий. Уайли дал ему четверть доллара, он сказал: «Спасибо вам, спасибо» — глядя большими карими глазами, и коровы опять замычали в ночь, нам вслед.

Я вспомнила, как впервые в жизни увидела овец, сотни овец, как наша машина внезапно очутилась в их гуще на пустыре за студией старика Лемле. Овцам-то мало радости было сниматься, но наши спутники все повторяли: «Здорово!», «Как и требовалось тебе, Дик!», «Просто здорово!» И тот, кого звали Диком, стоя в позе Кортеса или Бальбоа, озирает из машины серое шерстистое овечьё море. Для какого фильма их снимали, я давно забыла (если знала).

Вот уже час мы едем. Проехали через ручей по железному старому дребезжащему мосту с дощатым настилом. Когда мелькает мимо фермерский придорожный домик, там уже поют петухи, колеблются сине-зеленые тени...

— Я говорил вам — рассветет, — сказал Уайли. — Я родился здесь поблизости — сын и наследник оголодалой южной голи. Наш фамильный особняк ныне используют в качестве нужника. Слуг у нас было четверо — отец, мать и две моих сестры. Вступить в их корпорацию я отказался и уехал в Мемфис делать карьеру, и теперь эта карьера уперлась в тупик. — Он обнял меня за плечи: — Сесилия, позвольте жениться на вас и пристроиться к семейному пирогу Брейди.

Комичный тон обезоруживал, и я прислонилась головой к его плечу.
— Чем занимаетесь, Сесилия? В школу ходите?
— Я учусь в Беннингтонском колледже. На третий перешла.
— О, прошу прощения. Мне бы самому догадаться, но я был лишен преимуществ высшего образования. И на третий перешла! Я читал в «Эсквайре» — третьекурсниц нечему уже учить.

— Почему-то люди думают, что студентки...
— Сесилия, не надо оправданий. Знание — сила и власть.
— Сразу видно голливудца, — сказала я. — Как всегда, безнадежно отстали от века.

Уайли сделал вид, что ошарашен.

— То есть как? Неужели в восточных штатах студентки лишены личной жизни?

— В том-то и дело, что как раз наоборот. Вы становитесь несносны, перемените позу.

— Не могу. Еще Шварца разбужу, а он, по-моему, впервые за пол-месяца заснул. Что я вам расскажу, Сесилия: у меня как-то была интрижка с женой одного продюсера. Кратенький романчик. Когда он кончился, она предупредила без обиняков: «Попробуй только проболтайся, и я устрою, что тебя вышвырнут из Голливуда. Мой муж — фигура позначительнее тебя».

Он снова обезоружил меня своим тоном, и тут мы повернули в длинную улочку, запахло жимолостью и нарциссами, и такси остановилось перед серой громадой «Эрмитажа». Водитель повернулся к нам, желая что-то объяснить, но Уайли произнес «Ш-ш!», указав на Шварца, и мы тихонько вышли из машины.

— Сейчас не пустят внутрь, — вежливо пояснил водитель.

Мы с Уайли подошли к портику и сели на ступенях у широких колонн.

— Этот мистер Шварц — кто он такой? — спросила я.

— Да ну его. Возглавлял одно время кинофирму — то ли «Ферст нэшонал», то ли «Парамаунт», то ли «Юнайтед артистс». А теперь в глубоком нокауте. Но он еще вернется. В наше лоно нет возврата только алкашам и наркоманам.

— Вам, я вижу, Голливуд не нравится.

— Напротив. Очень даже нравится. Но что за тема для интимной рассветной беседы на ступенях дома Эндрю Джексона.

— А я Голливуд люблю, — не унималась я.

— Отчего же не любить. Золотой прииск в апельсиновом раю. Чья это фраза? Моя! Неплохое местечко для жестких и тертых, но я-то прибыл в Голливуд из Саванны, штат Джорджия. И в день прибытия явился на званый вечер. Хозяин пожал мне руку и ушел от меня. Все было в том саду честь честью: плавательный бассейн, зеленый мох ценой два доллара за дюйм, красивые люди из семейства кошачьих. Они развлекались и пили... А меня не замечали. Ни одна душа. Я заговаривал с пятью или шестью — не отвечают. Так продолжалось час и два, а потом я вскочил со стула и припустил оттуда сумасшедшей рысью. Вернулся в гостиницу, получил из рук портье адресованное мне письмо — и тогда лишь почувствовал, что я снова человек, а не пустота.

Мне самой испытывать подобное, конечно, не приходилось. Но, вспомнив голливудские званые приемы, я подумала, что Уайли не сочиняет. Чужака у нас встречают прохладно, за исключением тех случаев, когда он преуспел уже и сыт и, следовательно, безопасен, — иначе говоря, когда он знаменитость. Но и знаменитость не слишком-то разлетайся к нам.

— Вам бы взглянуть философски, — самодовольно сказала я. — Они ведь не от вас захлопнулись так грубо, а от прежде встреченных нахалов.

— Так юна и хороша — и такие умные речи.

На востоке занималась заря, и я видна была Уайту отчетливо — худошавая, изящная, неплохие черты лица и бьющий ножками младенец-мозг. Вид у меня на рассвете тогда, пять лет назад, был чуточку взъерошенный, наверно, бледноватый; но в юности, когда жива иллюзия, будто у приключений плохого конца не бывает, требовалось лишь принять ванну и переодеться, и снова заряжена надолго.

Во взгляде Уайли было одобрение ценителя, очень для меня лестное. Но тут мистер Шварц вдруг нарушил наше милое уединение, подойдя к дому извиняющейся походкой.

— Ключнул носом — стукнулся о металлическую ручку, — сказал он, потирая уголок глаза.

Уайли вскочил.

— Как раз вовремя, мистер Шварц. Сейчас приступаем к осмотру пенатов, где обитал Эндрю Джексон — десятый президент Америки, Старая Орешина, Новоорлеанский победитель, враг Национального банка, изобретатель Системы Дележа Политической Добычи.